

Помню торжество при известии о взятии Берлина, о победе и капитуляции Германии, Парад Победы на Красной площади, о котором я читал в «Пионерской правде» и слышал рассказы. Мы пели песни, кричали «Ура!», веселились. Мы продолжали интересоваться международными событиями, обсуждали их, однако, начиная с 1945 г, интерес к ним, не исчезая, все больше уступал место другому увлечению – футболу. В это время возобновились игры на первенство и на кубок СССР, и мы отчаянно «болели» за полюбившиеся нам команды. Большинство ребят из нашего двора были сторонниками ЦДКА и ненавидели главного соперника этой команды – московское «Динамо»...

Запечатлелось у меня в памяти и большое распространение нищенства и спекуляции в Москве. Спекулировали продуктами, одеждой, марками (а я их собирал), книгами, спиртным. Нищим я всегда подавал из денег, которые родители давали мне на завтраки в школе, спекулянтами возмущался, хотя к их услугам иногда прибегал для приобретения марок и книг...

С чем мне ни разу не пришлось столкнуться, так это с проявлением упадка духа, с паникой перед врагом. Уже после войны я неоднократно спрашивал мать, отца, других взрослых знакомых, сомневались ли они в конечной нашей победе, когда враг стоял у стен столицы и оккупировал огромную территорию страны. Все отвечали мне, что никогда и на минуту не сомневались в победе.

Т.Г. НЕФЁДОВА

**«И, КОНЕЧНО, СТРЕМИЛАСЬ Я НА ФРОНТ»: ИНТЕРВЬЮ
С УЧАСТНИЦЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ А.А. ТЮТЬКОВОЙ
(ИЗ ФОНДОВ ПРОЕКТА «ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ»)**

Разработка научно-исследовательского проекта «Человек на войне» началась на историческом отделении Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской в преддверии юбилейной даты – 60-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. С 2005 года работы по проекту ведутся совместно с Комитетом Республики Марий Эл по делам архивов. В соответствии с приказом Комархива от 23 декабря 2005 года «О научно-исследовательском проекте «Человек на войне», был разработан Координационный план научно-исследовательских работ, утвержден Координационный совет по организации научно-исследовательского проекта «Человек на войне» под руководством председателя Комитета Республики Марий Эл по делам архивов Р.А. Кулалаевой.

Целью научно-исследовательского проекта «Человек на войне» было создание нового вида источника, которым стали неформализованные интервью с рядовыми участниками военных сражений Великой Отечественной войны по специально разработанной программе. Эта программа интервьюирования определяла круг проблем, освещение которых позволяло подойти к изучению важных сюжетов Великой Отечественной войны, которые дают возможность составить целостную картину этого важнейшего исторического события. Такими нетрадиционными проблемами для отечественной историографии Второй мировой войны стали морально-психологическое состояние войск, фронтовой быт, которые рассматриваются в качестве важных факторов, способных решить исход конкретного боя и целого сражения. Именно эти проблемы и их составляющие – снабжение армии продовольствием, солдатский быт и рацион, отношение к своей армии и товарищам

по оружию, к противнику и союзникам, к трудностям и тяготам войны – стали главными темами интервью с участниками Великой Отечественной войны – жителями Республики Марий Эл.

Интерес к сюжетам военно-исторической антропологии в рамках проекта «Человек на войне» был вызван соображениями политического, научного и воспитательного характера. Попытки представить Вторую мировую войну в виде столкновения двух тоталитарных режимов имеют целью принизить роль СССР в разгроме фашизма и защите общечеловеческих ценностей. На Западе сегодня не принято говорить о войне нацистской Германии против Бельгии, Голландии, Франции, Великобритании. Тамошний выпускник гимназии сильно удивится, узнав, что во Второй мировой войне Германия воевала против Франции, а Париж был занят немецкими войсками. Красноречива вялая реакция Европейского союза на прославление украинскими и прибалтийскими шовинистами местных ветеранов СС, которые превращаются там в персонажи эпического размаха, в их честь возводятся памятники, проводятся парады и снимаются фильмы. В этой связи представляется важным подчеркнуть, что Великая Отечественная война была составной частью Второй мировой, и в этой войне на стороне СССР сражались все демократические государства. В годы войны мы заплатили миллионы жизней за свободу своей страны и всего мира. Эти обстоятельства, на наш взгляд, подчеркивают важность изучения человеческой составляющей, «человеческого измерения» войны.

С научной точки зрения, интерес к теме был вызван тем, что традиционная история концентрировалась на изучении военных, военно-политических и военно-экономических аспектов Второй мировой войны и характеризовалась «событийным» подходом, в рамках которого освещались, как правило, ход боевых действий, крупные сражения и битвы, героика войны. Изучение же человеческой составляющей на войне относится к той области военно-исторической проблематики, которая только сейчас становится предметом изучения профессиональных историков¹. Это в полной мере относится и к гендерной истории, весьма популярной сегодня. Однако женской проблематике применительно к Великой Отечественной войне уделяется явно недостаточное внимание². Записанные с ветеранами Великой Отечественной войны интервью дают возможность изучения человеческой составляющей на войне, «человека воюющего» с его мыслями и чувствами, реальным поведением, а также его повседневной жизни. Наш проект позволяет дополнить историю Второй мировой войны – ключевого события XX века – антропологической составляющей, «человеческим фактором», представить историю этого события «снизу», то есть с точки зрения рядовых участников событий.

Обращение к истории Великой Отечественной войны дает богатые возможности для возрождения патриотических чувств населения Российской Федерации, в особенности для патриотического воспитания молодого поколения наших граждан. Патриотизм может стать основой консолидации российского общества и укрепления государства. Не случайно в этой связи ставится вопрос о необходимости модернизации современного образования с позиций усиления патриотического компонента³, внесения в учебные программы общеобразовательной и высшей школы определенных коррективов с этой целью. Обращение в ходе опросов к истории Великой Отечественной войны, к воспоминаниям ветеранов о повседневной

и героической жизни тех лет проявляется через личную причастность к происходящему и сопровождается сильными эмоциональными переживаниями. Подключение этой эмоциональной сферы сознания может усилить формирование патриотических чувств, активно влиять на мотивы поведения молодых людей, на воспитание их нравственных качеств. Опрос участников Второй мировой войны побуждает интервьюеров к личностной, нравственной оценке событий прошедшей войны и представляет собой своеобразный вид социальной практики, когда в прошлом находятся нужные, достойные образцы поведения, чужие судьбы соотносятся с собственной судьбой, со всем тем, что происходит в современном обществе.

В публикации представлен текст интервью с участницей Великой Отечественной войны Александрой Логиновой Тютюковой.

Тютюкова-Царегородцева Александра Логиновна, 1923 г. р., с. Никулята Яранского района Кировской области, призвана Салобелякским РВК в 1942 г., ефрейтор⁴. Интервью провела учитель средней общеобразовательной школы № 13 г. Йошкар-Олы Петрова Земфира Валентиновна 23 сентября 2007 г. в квартире ветерана. Дополнительные пояснения к интервью А.Л. Тютюкова дала в беседе с доцентом кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета Т.Г. Нефедовой, которая осуществила последующую редакцию этих материалов. Окончательный вариант интервью был согласован при личной встрече в домашней обстановке 12 октября 2009 года.

Расскажите о своей семье, где Вы жили накануне войны, чем занимались Ваши родители?

Мои родители начинали свою трудовую биографию рабочими. Мама когда-то работала на спичечной фабрике, папа был мастером по меховым изделиям, занимался выделкой меха. Папина сестра и уговорила его переехать в сельскую местность – дескать, четверо детей, одна комнатка, в деревне будет лучше. Когда я закончила первый класс, моя семья переехала в Яранский район. Папа был членом партии, его избрали председателем колхоза. Мама была рядовой колхозницей.

Поскольку семья была большая, держали скот – корову, поросенка, теленка. Был огород, выращивали овощи. При доме был сад – яблони, ягоды. В этом доме мы поселились, когда папу избрали председателем, так что дом был не свой, а чей-то, думаю, что кого-то выселили. Их сад-огород нам и перешел. Помню, что соседи тоже сад выращивали, в деревне это не у всех было. А потом развели даже колхозный сад, была колхозная пасека. Еда готовилась простая – суп, щи, овощи, молоко, масло, яйца. Соленая капуста была всегда. Иногда покупали творог, обычно во время поста кто-то сберегал, мы и покупали у бабушек. Трудно было с промтоварами, ситец, например, купить было нелегко, товары для детей. Икон в доме не было, поскольку папа был партийный, но я помню, что мама ходила в церковь. Дети помогали колхозу: мы теребили лен, нас привлекали на прополку и обмолот зерна – туда, где ребятам по силам. Нас с детства приучали добросовестно трудиться. Помню, если мама утром меня рано не будила (жалела), я плакала, представляя, как я пойду на поле работать, когда вся деревня уже там!

Огромную роль в нашем воспитании играла школа. Все, что давала школа, мы несли домой, делились впечатлениями с родителями, сами с деревенскими ребятами ставили спектакли, на вечеринках пели современные песни – те, что

разучивали в школе. Кстати, на этих вечеринках всегда присутствовали взрослые, никто их не стеснялся. Люди были настроены оптимистично. Уважение вызывали те, кто честно и много работал. Никакой пьянки в деревне не было. Если кто-то выпивал, его вообще за парня не считали! Старину чтити. Я считаю, что в этом заключалась база нашей будущей победы.

Слухи о возможной войне с Германией были, но это казалось чем-то далеким от нас. В деревне это не обсуждали. На уровне только папиных разговоров я слышала, что Германия готовится, может, и нам придется воевать.

Как Вы узнали о начале войны, какие чувства испытывали?

Перед самой войной мы переехали в село Никулята, оттуда папа и на войну ушел, ему было за сорок. Я осталась старшей в семье. В 1941 г. окончила Пектубаевскую школу Марийской АССР, так как ближе от нашего села средней школы не было. Никаких интернатов тогда не существовало. Мы с подружкой снимали частную квартиру, на выходной день за 17 километров ходили домой. С нами ходил еще один парень из нашей деревни. Мороз – не мороз – идем. . .

О начавшейся войне узнала в клубе села Пектубаево, где проходил наш выпускной вечер по случаю окончания школы. Я приехала в Никулята, здешнего заведующего клубом, молодого мужчину, взяли в армию, меня вызвали в сельсовет и предложили работать на этой должности. Я согласилась и до апреля 1942 года с удовольствием работала. Ходила с газетами по деревням, колхозным полям, рассказывала о новостях с фронта, помогала собирать теплые вещи – валенки, рукавицы – для бойцов нашей армии. Излишков-то у людей, конечно, не было, но кто-то, например, держал скот, значит, была шерсть, вязали. Люди добровольно отдавали, ходить и просить не приходилось.

И, конечно, стремилась я на фронт. Помню, висел плакат: «Ты чем помог фронту»? Я воспринимала это как личное обращение. Маме не говорила, что хочу пойти добровольно. Не задумывалась тогда, что семья была, хозяйство, папа уже воевал. В апреле 1942 года в нашем районе набирали группу комсомольцев-добровольцев.

Значит, на фронт Вы пошли добровольно? Как добирались к месту службы? Какими запомнились повседневные военные будни – где жили, чем питались, как одевались, какие обязанности выполняли?

Из нашего сельсовета добровольцев было двое. Нас на лошади довели до Салобеляка, переночевали в здании районной администрации. На лошади же добрались до железнодорожной станции Шахунья, оттуда на поезде – до Москвы. Разместились в здании школы. Проходили курс молодого бойца, знакомились друг с другом, привыкали к дисциплине. Одни девчонки, но командирами были мужчины, молодые парни.

Выдали гимнастерки, штаны, ботинки, обмотки. Что ужасно – все это было велико, одежду приходилось перешивать. Девчонок превратили неизвестно во что! У всех были косички, нас убеждали, что надо постричься. Правда, одна девушка категорически отказалась, так и прослужила с косой. . . . То, что называют сейчас средствами личной гигиены, не было предусмотрено. Старшина, женщина года на два нас постарше, снабжала тряпками. Это потом уже стали вату, марлю выдавать, сообразили уже. Мне кажется, что командование не было готово к приему такого количества бойцов женского пола.

Сначала нас учили на связистов. Распределили на отдельные подразделения и проводили практические занятия, например, надо было найти и восстановить обрыв линии. Затем я была переведена в другое подразделение, где и прослужила всю войну в должности прожекториста. Работала на прожекторе по номеру два. Первый номер – это был человек, который управлял прожектором, а мое дело было следить за приборами, чтобы этот луч не погас.

Все сооружения приходилось строить самим. Вырыли котлован для размещения прожектора и звуковой аппаратуры, землянку на 11 человек. Внутри нее были отдельные помещения для мужчин и женщин (в нашем подразделении четверо были женщины), общая комната – столовая и небольшая кухня, где мы сами готовили. У входа соорудили стеллажи для винтовок. Еще один котлован вырыли для несения боевого дежурства. Там располагался телефонный аппарат, где мы и дежурили ежедневно по два часа. Должны были следить за приближением самолетов и докладывать об этом вышестоящим командирам, а также охранять свой военный объект – прожектор. Мы должны были по звуку самолета определять его тип, каким курсом и на какой высоте летит. Далось это умение, конечно, не сразу. На такие дежурства нам, девчонкам, ходить было страшно, особенно ночью. Стоишь одна, в яме, винтовка выше головы, меня из этой ямы и не видно. У нас не было случаев, чтобы кто-то погиб, а вот в дивизии такие факты случались. Нам об этом сообщали и призывали к бдительности.

Продукты получали в соседней деревне Передельцы, примерно в 6 км от нас. За ними ходили один раз в неделю, группой, с рюкзаками за плечами. Выдавали хлеб, крупы, сахар, американские мясные консервы, капусту. Деликатесов, конечно, не было, но мы не голодали. На завтрак обычно варили кашу, на обед – суп, на второе – опять какая-нибудь каша или картошка. Насчет картошки, когда немцы уже ушли от Москвы, договаривались с деревенскими (наши точки располагались, как правило, вблизи деревень, в 3–4 километрах от них). К концу войны сами ходили на поле и заготавливали капусту. Все принесенные продукты складывали в землянке и по очереди потом готовили. Девчонки, в том числе и я, стряпать не любили, у нас чаще мужчины готовили.

Конечно, все время с нами работали, мы совершенствовали свои знания, постоянно изучали технику – безделья не было. Занимались с нами и политически: знакомили с приказами командования, сообщениями с фронтов, регулярно проводился политчас. В своем подразделении меня выбрали комсоргом, не часто, но были комсомольские собрания.

Расскажите, как относились к вам, девушкам, сослуживцы-мужчины? Какими были отношения с товарищами, командирами, как относились к политработникам?

Мужчины к нам очень хорошо относились, не было никаких посягательств. Мне кажется, мы так воспитаны были, что не могли позволить себе ничего лишнего, жили как братья и сестры. Возможности для романов, конечно, были – после дежурства, например, отсыпаясь, другие ситуации, когда один на один в землянке остаешься, но ничего даже в мыслях не было. Все знали, надо вести себя достойно. К тому же коллективы небольшие, все на виду.

И между девушками отношения были нормальные. Я не помню, чтобы мы ссорились. В нашем подразделении одна была москвичка, я с ней после армии поддерживала отношения. Мы вдвоем были из Кировской области, одна – из Воронежской.

По службе для нас никаких поблажек не было, требования были одинаковы, независимо от того, мужчина ты или женщина.

В 1944 году меня приняли в партию. С нами, конечно, работали.

Агитировали?

Да, можно так сказать, но не в смысле зазывали – понуждали, а как бы приглашали, потому что мы сами считали себя еще не достойными, слишком молодыми, ничего еще не совершившими, не заслужившими такую честь. Помню, как ездила за партбилетом на партийную комиссию в Москву. Зимней ночью шла одна пешком до Апрелевки. С собой в дорогу взяла кусок хлеба. Пока я шла, хлеб весь замерз, его по дороге и грызла. От Апрелевки до Москвы ехала на поезде, вагон был забит людьми, ехала стоя, кажется, так и задремала. После вручения билетов нас поздравляли, наказ давали воевать достойно, в том смысле, что теперь вы коммунисты, с вас и спрашивается больше.

А отношение к политработникам было самое уважительное, они рассказывали о делах на фронте, воспитывали нас – молодые же девчонки были – говорили, чтобы дисциплину соблюдали, обязанности свои добросовестно выполняли.

Были ли в Вашей службе дни отдыха, как отмечали праздники, получали ли письма, посылки из дома?

В 1944 году стали давать увольнительные в Москву. Ехали обычно вдвоем – троим на поезде со станции Апрелевка. Если из роты набиралась группа, давали сопровождающего. Ходили в кино, фотографировались. Один раз даже в театре была. А еще помню, как побывали на выставке военной техники в парке имени Горького. Посмотрели, захотели есть. В столовой к нам официантка подошла, доброжелательно спросила: «Чем бы вас вкусеньким накормить?» И наложила нам солянки побольше. Но такое было редкостью. Обычно с собой брали корочки хлеба. Просто гулять по городу не очень-то любили – много военных, всех надо приветствовать. Один раз мы с подружкой честь не отдали, и нас забрали в комендантуру. Кажется, маршировать нас заставляли – больше-то чем нас наказывать.

Недалеко от нашего подразделения, километрах в пяти, в поселке, был какой-то завод – туда ходили в баню. Бывало, шагаешь эти 5 километров после бани в одной шинельке, волосы из-под шапки ледяными сосульками торчат. Молодые были, не берегли себя. Но ничего – не болели как-то.

Письма из дома получала и сама писала, а вот посылки не было. Нечего было посылать, дома-то плохо жили. Я в письмах маме наказывала: мама, продавай все, что есть, все, что можно, лишь бы прокормить детей. У мамы еще от городской жизни оставались красивые платья, ботиночки, запасы ткани, помню, был большой пуховый платок. Не у всех деревенских женщин такие наряды были. Так и получилось – все это пришлось продать. Папа вскоре погиб под Смоленском. Я – на фронте. В семье – еще четверо детей. Раньше не было принято, чтобы помогать семьям, да и возможностей, наверное, не было.

Как относились к противнику, знали ли о существовании союзников в войне?

К немцам относились враждебно. Все же знали – и рассказывали, и читали – о зверствах фашистов, что напали внезапно, о множестве погибших, о кровопролитных сражениях.

Про союзников знали, ждали открытия второго фронта. Черчилля не боготворили, считали, что он затягивает с помощью нашей стране. В политике-то мы хорошо ориентировались!

Что укрепляло Ваш дух в трудное время? Как Вы узнали о Победе, какие чувства испытывали в тот момент?

Мама ждала дома. Еще желание жить и учиться. Вера в победу. Об этом радостном событии узнала в землянке, в своем подразделении. Сообщил старший сержант, прибежал, кричит: «Победа! Победа! Победа!». Радость, слезы... Отметить-то, конечно, нечем было, единственное желание – домой!

К нам приходили политработники, агитировали учиться, остаться в Москве, на этот же прожектор работать звали, в структуры МВД, в аэропорт Внуково – понятно, народ мы проверенный, коммунисты.

Стали готовиться к демобилизации. Были составлены списки, кто с какого вокзала отправляется. Нам выдали одеяла, по паре простыней, взяли и те домашние вещи, которые сохранились с довоенных времен, у меня, помню, сарафанчик полотняный был. Набралась небольшая коробка. Туда я и дневничок свой положила – блокнот с записями, которые делала во время службы.

Демобилизовалась я не с Кировской областью, а с москвичами, так как решила остаться в Москве. Мы с двумя подругами устраивались на работу в аэропорт Внуково. Я и все свои вещи оставила там, ничего с собой не взяла. Домой поехала, чтобы повидаться с родными. А приехала в Йошкар-Олу, пришла в горком партии, меня сразу же отправили на завод «Торгмаш», где избрали в состав партийного бюро, а затем я стала секретарем комитета комсомола завода. И хотя потом мне пришел официальный вызов в Москву, из Йошкар-Олы меня уже не отпустили. Так все мои «военные трофеи», а самое главное, записи затерялись. Вся моя последующая трудовая жизнь была связана с партийной, советской и комсомольской работой в Марийской республике.

Примечания

¹ Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология – новая отрасль исторической науки // Отечественная история. 2002. № 4. С. 135–145. См. также: Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 3: Вторая мировая война: ист. очерк. М.: Наука, 2005. С. 210–229.

² Исключением в этом отношении может быть исследование Е.С. Сенявской «Психология войны в XX веке. Исторический опыт России» (М., 1999), где женской проблематике на войне посвящена специальная глава.

³ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – М., 2002.

⁴ Они защищали Родину. Поименный список участников Великой Отечественной войны. Йошкар-Ола: Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2004. С. 661.

В.Я. ГИНЗБУРГ, Ф.В. ГИНЗБУРГ

ЕВРЕИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

При сталинской диктатуре и в последующее время, когда антисемитизм властвовал на государственном уровне, участие евреев в Отечественной войне долго замалчивалось. Публикуемые материалы дают относительно полную картину о степени участия советских евреев в Великой Отечественной войне.

В Советском Союзе в границах 1939 года жило три миллиона советских евреев – 1,8 % всего населения. Из них, в основном, и призывались евреи в Советскую